

В книге использованы документы ОГПУ СССР. Большинство описанных фактов имели место в действительности в тот сложный период истории страны.

ГЛАВА 1

— Сорвете операцию, товарищ Сидоров, пойдете под суд, — бодро и доброжелательно объявил москвич Русаков.

Только вот от этой доброй бодрости нашего шофера всего перекошило.

— Да я тут при чем? — забормотал он испуганно. — Такой бензин куркули на базе залили! Он для мотора что спорынья для человека! Вот кого под суд надо! А мы все своими руками...

Похоже, испугался не на шутку и сам мотор. После очередных двух оборотов пусковой ручки он покорно завелся и теперь был готов выполнять все пожелания хозяев с преданной готовностью, как хорошо дрессированный пес.

— В автобус! — приказал Русаков группе толкущихся во дворе товарищей.

Вскоре новенький, но не слишком надежный автобус «АМО-Ф-15» на полтора десятка пассажирских мест выехал напрямик в темную звездную ночь за ворота нашего купеческого особня-

ка. Кряхтя мотором, изнуренным некачественным питанием, он устремился по улице Юных Ленинцев на юго-восток Нижнепольска.

Не прошло и десяти минут, как мы затормозили на перекрестке Ворошилова и Цветочной, где двухэтажные рабочие бараки фабрики имени Клары Цеткин врезались в одноэтажную частную застройку. Как наглядный результат выполнения плана ГОЭЛРО, в прошлом году это место было освещено уличными электрическими фонарями.

— Мотор не глушить, — велел Русаков, а потом откинулся на дерматиновую спинку сиденья и начал насвистывать под нос что-то бравурное и жизнеутверждающее, вроде «мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Минут через пять он вытащил из специального кармашка своего полувоенного темно-зеленого френча компактные серебряные часы-луковку и укоризненно покачал головой:

— Задерживаются товарищи.

Какие товарищи куда должны приехать? И куда мы двинули в свете луны? Ничего не понятно, кроме начальственных обещаний: «Скучно не будет, едем брать жирную контру». Мандража и боевого настроения у меня пока не было никакого. Они уютно дремали под толстым одеялом неведения. И сам я пребывал в дремотном состоянии. В свое время прозвучит сигнал «вперед», тогда и будем действовать, волноваться. Или го-

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

лову честно сложим — всякое ведь на чекистской службе случается. А пока нечего беспокоиться.

Издали слышался нарастающий рев мотора. К перекрестку подкатывал еще один «АМО» — почти такой же, как наш, если не считать, что это был грузовик грязно-рыжего цвета. Его кузов был полон вооруженных винтовками пассажиров.

— Вперед, товарищ Сидоров, — спокойно приказал москвич шоферу.

Наш автобус послушно ринулся наперерез, внаглую перегородил проезжую часть и застыл. Вскоре скрипнули тормоза, и рыжий грузовик остановился в каком-то метре от нас.

Из кабины выпрыгнул невысокий сухощавый мужчина в обрезанной по колено, перепоясанной ремнями и мятой, как будто ее жевали, шинели. Зато сапоги вычищены так, что в них можно смотреться, как в зеркало, а папаха залихватски заломлена.

— Что ж ты, так тебя растак, оглоед безглазый, рулишь, куда не просят! — раздухарился незнакомец, и высокий полет его образной речи надежно опирался на крылья смачных, с мастерскими загибами, нецензурных выражений.

Из кузова грузовика между тем стали выпрыгивать бойцы с винтовками. Притом действовали они слаженно, а у некоторых стволы уже смотрели в нашу сторону. Ну что, молодцы, для шпаков очень даже неплохо.

— Баста, приехали! — махнул рукой москвич, выйдя из автобуса.

Я устремился следом, ненароком расстегнув свою брезентовую куртку, чтобы в случае чего быстро вытянуть заткнутый за пояс наган.

— Товарищ Русаков, — медленно и с чувством, как будто оправдались его самые худшие опасения, произнес субъект в папахе.

— Не ждали? — сочувственно спросил москвич.

— И на каком основании... — начал было «папаха», но был бесцеремонно прерван москвичом.

— Мои основания вам хорошо известны. Вы никак за Головченко собрались?

— Откуда узнали? — хмуро посмотрел на москвича собеседник.

— По своим каналам... Досадно как-то, что вы не известили органы ОГПУ о своих грандиозных планах. Ведь вопросы могут быть. Отвечать придется.

— Да какие вопросы, Иван Афанасьевич! Каюсь, сам его взять хотел! У нас к нему особые личные счета.

— Какие личные счета, товарищ Лифшиц? Аполитично как-то звучит. Одно дело делаем. Так что поступаете со своим продотрядом под мое командование, — припечатал без права обжалования москвич.

Поскольку по факту возразить товарищу Лифшицу было нечего, он только развел руками —

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

мол, хозяин — барин. А что поделаешь? Полномочий у столичной штучки Русакова хватало, чтобы построить в области кого угодно.

Я немного взбодрился. Ну, теперь кое-что проясняется. Головченко — это в недавнем прошлом заведующий сельхозотделом обкома ВКП(б), а ныне находящийся в розыске враг-вредитель. С зернозаготовками и коллективизацией наворотил он столько бед для советской власти, что барону Врангелю не снилось. Во многом это ему я обязан тем, что меня выдернули из уютного родного дома и отправили в эту длинную командировку, в состав специальной группы ОГПУ СССР.

С интересом смотрел я и на Лифшица, в этих местах фигуру легендарную. В возрасте, уже за пятьдесят, сморщенный, страшно энергичный, воинственный, а глаза так и шныряют вокруг — хитрые и все замечающие. Он обернулся к своим людям и произнес:

— Поступаем в распоряжение ОГПУ. Товарища Русакова.

Смотрели на нас продотрядовцы кисло. Не читалось на их лицах искреннего стремления помочь органам. Воспринимали они нас скорее как бесстыдных наглецов, норовивших утащить из-под носа их заслуженную добычу.

Вообще, продотряд — это какая-то странная шарашка, которая регламентировалась не зако-

ном, а обстоятельствами и желанием областного начальства. В разгар коллективизации, когда стал понятен огромный объем задач, стоящих перед государственным аппаратом по околхозиванию, раскулачиванию и сбору продналога, в помощь ему был создан внештатный отряд при административном отделе Нижнепольского облисполкома. Туда были прикомандированы самые разные люди — пара милиционеров, партийные рабочие с предприятий, комсомольцы, служащие. А поскольку руководил ими старый большевик Лифшиц, то вскоре по виду, содержанию и методам работы это стал типичный продотряд, будто бы вернувшийся из ранних революционных времен. Кстати, в нем действительно служило несколько человек из тех старых, героических продотрядов. Отряд Лифшица вскоре тут вполне прижился в качестве какого-то полулегального вооруженного формирования. И объем работы им выполнялся огромный. Продотрядовцев не стеснялись привлекать на разные мероприятия, в том числе в качестве вооруженной силы. Боялись их кулачье и мироеды как бы не больше, чем войск ОГПУ.

— Операция чекистско-боевая. На ее время вы считаетесь мобилизованными в ОГПУ, неподчинение, трусость и саботаж будут расценены по всей строгости. Это понятно? — спросил Русаков.

— Да понятно все, — слышались вразнобой голоса.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Все это продотрядовское воинство, разношерстно одетое — кто в пальто, кто в куртке и пиджаке, кто в сапогах, а кто в модельных кожаных нэпманских туфельках, сильно напоминало Красную армию образца 1918 года. Что роднило всех этих бойцов — винтовки-«мосинки» на плечах.

Москвич останавливал насмешливый, холодный и требовательный взгляд на каждом, отчего люди невольно выпрямлялись и расправляли плечи, испытывая желание вытянуться по стойке смирно. По какому-то наитию мой взор уперся в долговязого парня чуть за двадцать годков, его ватное пальто было узковато, а кепка сидела блином.

И тут меня как током пронзило. Краем глаза заметил, как Русаков многозначительно переглянулся с ним. Мимолетно, незаметно, как они думали. Но я не первый год играю в эти игрушки-погремушки. И просто нутром ощутил нить, связывающую этих людей. Все понятно. Связка осведомитель — куратор. Теперь становится ясно, кто донес нам о планах товарища Лифшица.

М-да, так засыпаться. Я был о Русакове лучшего мнения. Хотя и на старуху бывает проруха. Да и таких чувствительно-глазастеньких, как я, на самом деле вокруг совсем немного. Так что прокол не слишком значительный... Но все же прокол.

Снова заурчал мотор, и наш автобус двинулся следом за грузовиком. Русаков изложил нам диспозицию, а заодно распределил, кто как действует и кто кого страхует. С учетом моего длинного, как век Мафусаила, и славного, как подвиги Геракла, послужного списка, меня по неизменной доброй традиции поставили в штурмовую группу на острие атаки. Как всегда. Одно непонятно, как с таким счастьем я до сих пор жив. Но ведь жив и сегодня тоже погибать не собираюсь. Всех делов-то — спеленать одного контрика. Или не одного — это скоро увидим. Но под ложечкой все же тревожно засосало. Потому что пуля, она дура, и когда чекиста найдет — одному богу известно. А жить, несмотря на все невзгоды, мне еще не надоело... Ладно, главное — спокойствие. Нет ничего хуже, чем изводить себя всякими трепетными чувствами и заковырыстыми мыслями перед горячим дельцем.

Мы остановились на самой окраине Нижнепольска, где в ряд шли заросшие пруды, неухоженные лесопосадки, а у реки чернела давно брошенная лодочная станция. До революции эти места славились престижными именьями, но Гражданская война прошла по ним катком, так что теперь здесь лишь руины.

Перед нами открылось длинное, приземистое строение, некогда бывшее богатым домом, который теперь погибал, лишившись крыши

и рухнувшего правого крыла. Слева от него стоял относительно целый флигелек, правда, без окон и дверей. Когда-то все это было барским помещением, позже выкупленным богатыми купцами и разоренным в 1918 году. Управление землепользования, за которым оно числилось, хотело отдать его под коммуны и отремонтировать, но все никак руки не доходили. Здесь мы две недели назад проводили мероприятия по отлову беспризорников, насобирали их пару десятков. Теперь тут тишина, пустота.

Мы растянулись цепочкой, охватывая объект атаки. Продотряд маячил за спиной. А я, Русаков, Лифшиц и пара чекистов из нашей группы опасливо приближались к флигелю.

— Там он, выродок, — прошептал Русаков, замирая и пялясь на строение. И на самом деле в окошке мелькнул отблеск огонька. — Брат живым. Несмотря ни на что.

Живым так живым. Проявим геройство. Главное при этом — самим живыми остаться. Ну а с его жизнью — как получится. Тут загадывать нельзя. Но задача понятна.

А потом начался штурм, если это можно так назвать. А если проще — задержание особо опасного преступного элемента.

По отмашке москвича мы рванули вперед, по заранее определенной траектории, как булыжники, пущенные умелой и сильной рукой.

Я ринулся в оконный проем, где давно не было даже рамы. Раньше бы легко исполнил этот гимнастический номер. Не шибко я постарел со своих лучших времен, но вечное недоедание сказывалось и на моем молодом и, кроме того, очень увесистом атлетическом организме. Так что от напряжения в висках забилась упругим напором горячая молодецкая кровь. Но все же приземлился я на каменный пол удачно и даже ловко, как могло показаться со стороны. И твердо сжимая в руке свой любимый наган, надежный, прошедший со мной через бесчисленное количество передряг, сохранивший мне жизнь там, где сохранить ее казалось делом безнадежным.

И тут же разом я ухватил кадр бытия, картинку, расставившую все по своим местам. На полу тускло мерцала керосиновая лампа, отбрасывающая неверный свет на окружающие предметы. Справа львиную долю пространства занимала изразцовая, выщербленная и местами сколотая печь. А за ней на колени присел человек в сером пальто и что-то рассматривал.

Я даже крикнуть «мяу» не успел. Если бы он выхватил оружие, я десять раз успел бы продырявить ему какой-нибудь не особенно жизненно важный орган — молотил с трех метров из нагана без промаха, муху мог сбить на лету, хотя это я себе лышу. Но вот только он уже держал что-то стреляющее, похожее на увесистый пистолет,

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

в руке. И ствол, как назло, уже был направлен в мою сторону, поэтому при виде свалившегося как снег на голову меня противнику и напрягаться не пришлось, просто коротенько нажать на спусковой крючок. Случайность. Стечение обстоятельств. Неужели в этом оружии и затаилась та самая моя пуля, что так долго жаждала встречи со мной на полях многочисленных битв и схваток и в итоге нашедшая в этих жалких развалинах?

В критических ситуациях сознание всегда разбивается на несколько частей. Где-то в стороне бодро нашептывает какие-то вселенские истины философ-ворчун — мол, такова мимолетность жизни, идущей всегда рядом со смертью. Другая часть сознания просчитывает варианты развития событий и перспективу действий. А между тем тело действует само, на знакомых миллион лет рефлексах — выжить и победить. Так что я в ту же секунду просто рухнул на пол. И в отчаянье билась мысль, успею ли?

Грохнул выстрел. И шальная пуля все же настигла меня...

ГЛАВА 2

Было больно. Будто наждаком грубо прошлись по спине.

Потом загрохотало основательно. То ли так моя душа отлетала ввысь сквозь тучи и гром небесный, то ли кто-то стрелял над ухом.

На инстинктах я перекатился в сторону. И только так понял, что живой. И что пора самому действовать.

Приподнялся на колене, вскинул наган, так и не выпущенный из руки. Мой палец начал было тянуть спусковой крючок, но не дождал до выстрела. Все уже разрешилось без меня, так что можно спокойно расслабиться и подумать о себе.

О себе? Ну что же, рад сообщить сам себе, что жив и двигаюсь. И даже могу, пошатываясь, подняться и оглядеться.

Спина саднила, по ней что-то текло. Да не что-то, а кровь! Моя кровь! Ничего, не в первый раз.

Дотянулся я до спины с трудом. Моя любимая, крепкая и надежная куртка разорвана. Чувствительность кожи присутствует.

— Живой, товарищ Большаков? — слышался как всегда задорный голос Русакова. Ему вообще все нипочем.

— Относительно, — кивнул я.

— Осторожнее с врагом надо. Аккуратнее.

А мне вернулась возможность трезво сообщать и оценивать, что творится. Отделался я, судя по всему, не слишком глубокой царапиной от пули. А вот противнику повезло меньше. Он был безвозвратно мертв. Зашедшие через дверь Русаков и Лифшиц без особых терзаний, забыв свой же приказ «брать живым», начали его пулями, как на охоте дробью фазана. Их можно понять.

Они посчитали, что бандит угрожал меня, и решили не дать возможность ему угрожать заодно и их. Так что патронов не жалели.

Рядом с безжизненным телом валялся вальтер. Тот самый, который противник держал в руках, притом уже снятым с предохранителя. Да, не повезло врагу. Не сжимал бы он пистолет в руке, не было бы и искуса сразу жать на спусковой крючок, едва завидев незнакомца, который, может быть, вообще случайно мимо проходил через окно. Вот и остался бы жив. А сейчас валяется лицом в пол.

Русаков брезгливо, носком сапога, перевернул тело на спину. А Лифшиц витиевато выругался. Красиво выругался. Вообще, похоже, он большой мастак в нецензурной лексике и свое мастерство при каждом удобном случае с готовностью демонстрирует людям.

Хотя материться было из-за чего. Убитый ну никак не походил на находящегося в розыске партноменклатурщика Андрона Головченко.

— Это Цыпин, — пояснил Лифшиц. — В Управлении землепользования работал. Они вместе с Головченко скрылись, когда под ногами земля задымилась.

— Ну да, — кивнул Русаков. — Правая рука главного вредителя.

Я отвел глаза от тела. Это китайцы любят смотреть на проплывающий по реке труп врага. Мне

это не доставляло никакого удовольствия. Тем более во флигеле и без того было на что посмотреть. Притом гораздо более интересное. Например, открывшийся взору натюрморт.

Часть стенной перегородки рядом с печью была сдвинута в сторону. Она прикрывала солидную нишу, являющуюся тайником. Притом тайником, полным всяких богатств, в которых и копался наш враг. Рядом по полу было небрежно разбросано оружие, несколько ручных термитных гранат образца 1917 года, металлическая коробка с пулеметными зарядами и куча картонных коробочек с винтовочными и пистолетными патронами. Штук пять пистолетов и револьверов различных систем. Обрез. Прямо какой-то оружейный магазин! И еще в стороне валялся чемодан — объемный, фибровый, с золотистыми застежками. Дорогой чемодан. Грубо продавленный в самом центре. И совершенно пустой.

Один из продотрядовцев, которые набились в комнату, слетевшись на выстрелы, как мошкара на свет лампочки, с уважением присвистнул:

— Хороший улов. Это ж сколько оружия и патронов. Вот бы нам отдали!

— Сколько? — вдруг с прорвавшимся неожиданно раздражением, несвойственным его ровной натуре, воскликнул Русаков. — Курам на смех... А вот чемоданчик пустой.

Потом, будто вспомнив о чем-то второстепенном, но все же необходимом, он махнул рукой в мою сторону:

— Окажите товарищу Большакову медицинскую помощь.

Один из продотрядовцев, оказавшийся фельдшером, помог мне стянуть куртку и рубаху, внимательно осмотрел рану. При нем был комплект первой помощи, потому он сразу сделал перевязку и подытожил:

— Повезло вам. Чуть ниже пуля — и позвоночнику бы хана. И тогда...

Меня аж передернуло. Что такое перебитый позвоночник, я знал прекрасно. Насмотрелся в свое время. Лучше уж тогда сразу наповал — и честнее, и приятнее.

В общем, оснований для моей госпитализации не наблюдалось. Так что загрузился я в автобус со всеми наравне, и мы отправились в наше логово. Правда, для порядка Русаков оставил пару сотрудников и нескольких продотрядовцев разгребать ситуацию с местными органами и давать показания.

В штабе, а заодно и в расположении, нашей специальной группы Русаков отправил ребят спать, а мне кивнул:

— А тебя на чаек с сахарком, товарищ Большаков.

— Как раненому на фронте сладкое положено? — хмыкнул я.

— Положено.

Мне страшно захотелось чая с сахаром. То, чего сейчас так не хватало.

Русаков в своем заставленном старой скрипучей мебелью кабинете, заодно служившем ему и спальней, и столовой, и вообще логовом, поколдовал над спиртовкой. Из носика медного чайника пошел пар. Фарфоровый заварник принял в свое чрево кипяток, и вскоре напиток был готов.

Хороший у Русакова чай. Ароматный. Настоящий. Привез его с собой из столицы и расходовал крайне рачительно, потому что здесь близко такого не найти, даже в обкомовском распределителе.

— Угощайся, раненый, — с легкой улыбкой произнес москвич.

Я уронил в изящную фарфоровую чашку кусковой желтый сахар и тщательно, методично размешал. Странное у меня состояние было. Сколько ни было схваток, смертельных ситуаций, привыкнуть к этому невозможно. Все равно после того, как азарт сражения уходит, приходит запоздалый страх и всякие дурные мысли о том, что пройди пуля сантиметром правее — и лежал бы ты сейчас под ножом патологоанатома, и не было бы больше для тебя этого бушующего неистового мира. Сейчас же этот страх все не приходил. Он просто не мог пробиться через какую-то неподъ-

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

емную усталость и вязкое оцепенение, которые с каждым днем сковывали меня все сильнее. Они выдавливали все человеческие чувства, в том числе и чувство самосохранения.

— Что пригорюнился? Переживаешь? — неверно истолковал мое состояние Русаков. — В рубашке родился. Выжил.

— Да пустое это. Бывало и похуже.

— Наслышан, — кивнул Русаков и с бодрым энтузиазмом продолжил: — Ты у нас героический товарищ. И даже награжденный.

Орден Красного Знамени я получил за Украину. Только ведь и не скажешь, за что именно. «За выполнение секретного задания» — и все... Интересно, Русаков хотя бы примерно представляет, с кем он имеет дело в моем лице? Может, и представляет. Он вообще чемоданчик с несколькими тайными уровнями.

Я мельком глянул на собеседника. Мне его мажорное настроение казалось наигранным. Этот вечно подтянутый, статный, хотя и ростом не вышел, мужчина, возрастом сорока одного года, внешне был полон энтузиазма, бодрых правильных фраз и призывов, непоколебимый, идущий единственно верным путем. И какой-то идеально выверенный, как в аптеке, — эмоций, мыслей, рассуждений да и самих поступков у него ровно столько, сколько надлежит по должности. Но вот только не покидало меня ощущение, что это все-

го лишь маска. А что у него на уме — одному черту известно. Ну такая уж старая чекистская школа. И еще чувствовалось, что Русаков чудовищно целеустремлен. Тут мы с ним сильно похожи. Это такое отдельное племя на Земле, которое и надежда с опорой, и вместе с тем угроза для государства — люди, готовые на все ради достижения цели. Притом не мелкой, типа купить аккордеон и новые сапоги, а большой цели, глобальной. Вопрос только в том, что это за цель. И насколько она соответствует общепринятым общественным устоям.

Русаков взял за правило время от времени советоваться со мной. Остальных в группе он не воспринимал всерьез, а ко мне почему-то проникся некоторым уважением. Хотя мне далеко до лавров моего любимого литературного героя Шерлока Холмса, но без ложной скромности могу сказать, что светлые мысли все же иногда приходят в мою голову. Притом они больше плод интуиции и чувств, чем чистого разума, уныло бредущего вдоль строгой ограды логики.

— Ну и что думаешь? — спросил Русаков.

— По поводу наших подвигов? Сработали плохо. Результат налицо. Точнее, на полу в луже крови. Врага упустили. Хоть и на тот свет.

— По самой ситуации, а не по нашим грехам.

Я пожал плечами:

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

— А чего тут думать? Этот виновно убиенный то ли сам за нычкой полез, которая ему понадобилась. То ли Головченко его послал вперед, как смертника в прорыв, на случай, если точка под контролем чекистов... Хотя последний вариант маловероятен.

— Почему? — заинтересовался москвич.

— Да мне кажется, если это общая их нычка, то сам Головченко там уже давно побывал.

— С чего ты это взял?

— Чемодан тот фартовый. Он пуст.

— А не Цыпин принес его с собой, чтобы погрузить все нужное?

— Что погрузить? Патроны, гранаты и пистолеты? На черта они ему в бегах нужны в таком количестве? Нет, он пришел за содержимым чемодана. Чемодан был в тайнике, это по слою пыли и каменной крошки на нем видно. И выпотрошили его заблаговременно, что Цыпина сильно душевно задело. Недаром чемодан продавлен. Уверен, это он по нему от избытка эмоций прыгал. — Я усмехнулся, представив, как контрик, подобно обезьяне, руками и ногами скачет по пустому чемодану, оскаливая клыки. Фу, ну и фантазии!

— Кто выпотрошил? — продолжал напирать москвич. — Головченко? А чего он не прихватил с собой сам чемодан? Зачем из него что-то перекладывать?

— Наверное, чтобы не привлекать лишнего внимания. Человек с чемоданом гораздо более заметен, чем человек с обычным мешком. Особенно если он для маскировки одет в крестьянские лохмотья. Вы обращали когда-нибудь внимание на крестьянина с мешком?

— Твоя правда, — кивнул Русаков. — И где сейчас Головченко?

— Да кто ж его знает? Может, совсем рядом прячется. Но, скорее всего, взял, что нужно, и рванул из области на оперативный простор. Теперь ищи-свищи ветра в поле.

— Эх, — покачал головой Русаков. — Наверняка в тайнике интересные бумажки были. Очень бы они нам пригодились. Потому как голову мы срубили, а тулово гидры где-то здесь. Совсем рядом. И отравляет оно все вокруг... Ладно, иди-ка ты на боковую, товарищ Большаков. Спать тебе осталось два часа. Не забыл в пылу сражения, что у тебя выезд в Свободное?

— Память пока не отшибло, — поморщился я. Эти выезды для меня с каждым разом были все тягостнее, но выбирать не приходилось.

— Рана не помешает?

— Не помешает.

— Тогда ты старший, — опять перешел на бодро-повелительный, не терпящий возражений тон Русаков. — И особо никого там не жалея. Образцово-показательно их надо укатать...

ГЛАВА 3

Наш «АМО» колдыбал по ухабистым и совершенно неприспособленным для его нежных колес дорогам. Деревянные, обшитые железом стенки жалобно потрескивали и скрипели, а крыша из дерматина вибрировала. Да, дороги в России — вещь порой скорее условная, чем реальная.

Светало. Мы обгоняли неторопливо тянущиеся телеги, уныло бредущих с граблями и прочим инструментом на плечах изможденных крестьян. А вот и вестники новых времен — на полях стрекотали трактора, доселе чудо невиданное. Но некоторые из них стояли как вкопанные — то ли поломанные, то ли трактористы не горели рабочим энтузиазмом. В общем, жизнь текла, весна несла первое тепло, шел ранний сев. Но все время, выезжая за город, я погружался в ощущение, что все в этих местах идет будто через не хочу, через сопротивление среды. И я знал, как называется это сопротивляющаяся среда. Голод.

Рожденный страшным неурожаем Голод — это напасть и гнилое содержание всего последнего года. Его в официальных документах тактично именуют «продовольственными затруднениями», но страшной сути это не меняет. Он встает тенью, мерещится изо всех углов. Он забирает силы и желание жить.

Голод несет с собой безысходный липкий ужас и пагубу. Недаром попы называют его третьим всадником Апокалипсиса. Нет, конечно, не лучше было в Гражданскую — тоже голод, тиф и испанка косили народ миллионами. Но тогда понятно — шла схватка не на жизнь, а на смерть, это была плата за победу над беляками и интервентами. А здесь будто спустился неожиданно сверху комковатый туман, и начался бесконечный кошмар. Какая-то непреодолимая природная сила — как землетрясение или цунами. Только растянутая на месяцы и годы. И в отчаянье порой кажется, что Голод пришел навечно.

Только не будет он вечно. Он ныне наш главный враг, не дававший стране уверенно идти вперед. И мы свернем ему шею. В том числе руками органов ОГПУ. В том числе и сейчас, когда дадим ему пинка в селе Свободное, расчехлив его прихвостней.

В салоне автобуса дремали Елоев, прозванный Горцем, и Якин, он же Вася Говорун, — уполномоченные из нашей специальной группы. Горец горяч и впечатлителен, но быстро выгорает и не склонен к отвлеченным переживаниям. А Говорун треплив без меры, хохотун, живет одним моментом. Им, в отличие от меня, посторонние рефлексии чужды. Оба исповедовали завет опытного вояки — безмятежно дрыхнуть при любой

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

возможности и в любой обстановке. Ну а что — солдат спит, служба идет.

На задних сиденьях клевали носом трое приданных нам продотрядовцев. Народ они полезный. Лучше всего себя проявляли при поиске сокрытого зерна. На эти их таланты я сейчас сильно рассчитывал.

В самом уголке, поправляя сползающие с носа очки-велосипеды, увлеченно листал книжку в серой дешевой бумажной обложке Федя Симонян, лицо неопределенной национальности. Он был ревизором Рабоче-крестьянской инспекции. Я не встречал людей, которые лучше него разбираются в приходах-расходах, дебетах-кредитах и в бухгалтерской документации. И он, как никто другой, знает, в чем состоит суть народной поговорки: «Деньгам счет, а хлебу мера».

Тряслись мы по колдобинам до цели часа три. И вот наконец замаячило село Свободное. Если там и была когда-то свобода, то на пользу явно не пошла — сегодня в нем царил нищета, она будто пеленой окутала вросшие в землю по окна русские бревенчатые избы на три окна, с покосившимися заборами из штакетника, огороды, сараи и хлипкие хозяйственные постройки. Вокруг простирались бескрайние поля, вдали лениво полз трактор.

В селе было как-то пусто. В лучшие времена в сельской местности при появлении чуда чуд-

ного — автомашины — на улицу высыпали толпы, прыгали радостно мальчишки, сосредоточенно крестились повязанные наглухо платками суровые бабки, поминая бензиновых чертей и лешего на колесах. Здесь же царила зловещая пустота.

Автобус затормозил около справной, недавно отремонтированной избы. На ней была прибита доска с коряво выведенной белой масляной краской надписью «Правление колхоза «Путь Ильича». Мы вошли внутрь.

Пред нами предстала просторная светлая комната, которая была плотно заставлена письменными столами, стульями, а на полках пылились папки. Все стены завешаны плакатами с цитатами состоявшегося в феврале текущего, 1933 года в Москве Первого всесоюзного съезда колхозников-ударников. В воздухе густо витал запах сивухи и чего-то заманчиво-съестного.

Председатель колхоза, ради кого мы приехали, был на месте. Крупный, щедро-бородатый, в чистенькой вышитой рубахе, он встретил нас с распростертыми объятиями, только в ноги не падал.

— ОГПУ! Услышали меня в районе! Прислали защитничков-помощников! — рокотал он, суетливо приглашая нас рассаживаться. Толстые губы его расплывались в широкой улыбке, того и гляди треснут. Но я заметил, как в его глазах на миг

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

плеснулась такая свирепая озлобленность, что мне даже жутковато стало от того, какие чувства распирают этого человека.

— И зачем же мы тут понадобились? — с усмешкой любопытствовал я.

— Так народишко бунтует! Настроения антисоветские растут, что сорняки на поле. На работу выходить отказываются. А сейчас сев. А с кого голову снимут? В тюрьму их! Человек десять. Я и списочек подготовил. А остальные попляшут у меня! Забегают!

— Ах ты ж сучий потрох. — Я шагнул к председателю, сгреб его за бороду, притянул к себе, посмотрел в глаза, а потом толкнул на узкую, обитую бархатом буржуйскую кушетку, неизвестно откуда взявшуюся на селе. — У тебя шестнадцать человек от истощения померло! Полсела опухли от голода и не сегодня-завтра богу душу отдадут. А тебе их в тюрьму!

— А сам-то сытенький, — с ненавистью произнес ревизор Симонян. — Ряху отъел — поперек себя шире.

— Товарищи, товарищи, — забормотал председатель. — Я же за власть советскую всей душой! Я же план по севу... Я же сам из последних сил...

— Да не мельтеши, — отмахнулся я от него, как от комара. — Лучше поведай, как народ таришь.

— Так все ж сдали по плану. Ну нет зерна, кроме семенного! На трудодень всего по триста грамм приходится! Ну нет!

— А давай-ка подождем чуток. А потом обсудим и трудодни, и то, что зерна нет.

Я согнал председателя с кушетки. Устроился там сам с комфортом, а его загнал в угол, где он уселся на корточках. Кивнул старшему продотрядовцу:

— Работайте, товарищи!

Горец с продотрядовцами отправился на территорию. Вася Говорун быстренько осмотрел кабинет. Нашел в письменном столе наган. А на полках под потолком, за папками, были заныканы каравай хлеба и увесистый круг кровяной колбасы. И как приятное дополнение — пятилитровая бутылка мутного самогона.

— Хорошо живешь! — оценил я.

— Это... Это не для меня... Это для людишек... То есть для людей...

— Береги тишину, — оборвал я его. — Объясняться потом будешь.

Теперь мое дело маленькое. Оставалось только ждать. Лучше всего это делать в молчании. Вскоре еще наговоримся. По душам.

Через некоторое время вернулся Горец с одним из продотрядовцев.

— Нашли? — с некоторым напряжением спросил я.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

— А как же! И даже больше! — просиял Горец.

— Ну, пошли, председатель, — кивнул я. —
Обозрим твои закрома.

И опять будто ударила звонкая пустота на улице. Ни одной живой души. Лишь у одного дома стояла старуха, а может, и не старуха, просто так старо и изможденно выглядевшая женщина, и истово крестилась. Потом упала на колени, провожая нас взором. Но в окнах было шевеление. Проскользнул силуэт. Встрепенулась занавеска.

Во многих населенных пунктах, где мне удалось побывать в эту проклятую командировку, возникало ощущение, будто они накрыты куполом беды и в них прочно поселилась безнадега. Не везде такое было. В некоторых деревнях видно, что трудно, но преодолимо. Там тлела жизнь и стремление к лучшему. В Свободном же было такое вот царство безысходности.

Дом председателя представлял собой справное кулацкое имение, даже посolidнее, чем правление колхоза. И на пустыре за ним продотрядовцы сейчас раскапывали ямы. Мы ждали, что будет одна захоронка, но в отдалении нашли еще.

Тут продотрядовцы знатоки большие. Чутье у них на закопанное зерно. Но и те, кто прячет зерно от государства, достигли в своем деле больших высот. Обычно хоронили его в специальных ямах в определенной глинистой почве, опаляя ог-

нем и образуя тем самым твердую поверхность, через которую не прогрызутся мыши. Но иные умельцы подходили к делу творчески. Прятали в самых неожиданных местах — в развалинах, на болотах. А в прошлый выезд, к изумлению своему, мы обнаружили фальшивую могилу на сельском кладбище, на самом деле являвшуюся сходом для зерна. Даже крест поставили, нехристи. Ну а что — народу много мрет, одним крестом больше.

— Значит, нет зерна на трудодни, — хищно улыбнулся я.

Председатель просто потерял дар речи, видя, что его заветный схран вскрыт.

— Скажи еще, не твое. — Я взял за шкуру, встряхнул и толкнул его. Он упал на землю. Попытался подняться на ноги, но продотрядовец долбанул ему от души по хребту прикладом.

Председатель все же встал на колени, взвыл как-то по-волчьи и начал колотить кулаками по земле:

— Мое! Все мое! Не ваше же, голодранцев! Не отдам!

Его сгребли за шкуру и потащили обратно в правление, где надлежало оформить все по правилам.

Вор и саботажник сидел, согнувшись, на табуретке. Я выставил всех из помещения, оставив только ревизора Федю, который по ходу может

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

прояснить скользкие моменты по учету, бухгалтерии и сразу поставить допрашиваемого на место, когда тот непременно примется врать.

Но пока председатель собирался не врать, а неистовствовать и посыпать голову пеплом.

— Донесли все же, сукины дети! — бормотал он. — Доложили!

— А ты на что надеялся? — спросил я. — Ты же кулак. И по закону должен быть лишенцем. А обманом, хитростью и подкупом стал председателем. И подкулачников в правление протянул. Да еще и народ заводил подлыми речами.

— Какими речами? — вскинулся он.

— Уж не твои ли это слова? «Вы хотели раскулачить меня, а теперь я буду вас крыть и чистить из колхоза за невыполнение работ! Потому что дубины вы стоеросовые, а мне жизнь положила вас гонять! И что мне советская власть? Я здесь власть!»

Председатель не ответил, только посмотрел на меня яростно. Эдак он и до суда не доживет с такими истрепанными нервами.

— Говорил, — заверил я. — Тому подтверждения есть. Ну ладно б только говорил, а то и вел себя — чисто медведь на воеводстве. Больных и инвалидов из бедняков на самые тяжелые работы посылал, которые и здоровому не сдюжить. А подкулачники твои прохлаждались. Ты же, зверь, без какой-либо жалости народ

притеснял. А теперь тебе ОГПУ понадобилось, чтобы его совсем со света сжить? Так тут ошибка вышла. Мы не для этого. Мы для справедливости.

Председатель часто задышал, как будто выплыл с глубины омута. А потом вскипел:

— Народ притеснял? И правильно притеснял! Голытьба и лодыри! Что при царе у них ничего не было! Что сейчас! И поделом! Ты думаешь, зачем они в колхоз пошли! Чтобы за чужими спинами укрыться и ничего не делать! Всегда такие голодали! И всегда голодать будут! Потому как справный мужик себя и всех прокормит. А голытьба всегда голытьбой будет. Мы соль земли, а голытьба — чертополох на ней, засохнет или будет скошена — и не жалко!

— Ну да. Лодыри... А когда ты своему куму-бездельнику, который не знает, как колхозное поле выглядит, двадцать трудодней ставишь, а безответной, как ты говоришь, голытьбе, которая с этого поля не уходит, надрывается, десять трудодней закрываешь. Кто лодырь?

— А вот не хватает на всех! Кому-то все равно с голоду подыхать! А тут уж так жизнь распорядилась, что или свои сдохнут, или голытьба! — выкрикнул председатель, выкатив глаза.

— То есть ты себе дал право решать, кому жить, а кому сдохнуть от голода. Хорош. Прям царь-батюшка.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

— Царь не царь, а хозяин справный. И если бы не ваши зернозаготовки, что все вымели, организовал бы жизнь по всем правилам. Все бы у меня работало, как хронометр со Швейцарии. А теперь... — безнадежно махнул он рукой.

— Ладно, это все философия Канта с Гегелем.

— Чего? Какой Гоголь?

— Да ничего. Сейчас ты мне откровенно все рассказываешь. Как занимался вредительской деятельностью. Как ты, кулак, не только лишения прав избежал, но и председателем стал? Кто тебе помогал?

— Оговоры это все, — начал опять упрямиться допрашиваемый.

— Вот что, вредитель, не играй с огнем. Сгоришь — одни головешки останутся.

Я еще немного надавил на его отсутствующую совесть и присутствующий страх. Он подумал тяжело. И как-то облегченно кивнул:

— Это Головченко с обкома. Все он, крапивное семя!

— Ну да, валить есть на кого, — критически улыбнулся я. — На беглого.

— А чего на него валить! Он ставил на должность меня! Он и спрос чинил! Он и село обескровил! Ну а я способствовал, было дело. Только вот так он за горло меня держал. — Председатель выразительно взял себя пальцами за горло. — Да

еще говорил: «Что крестьянин-другой подохнет, ты об этом не горюй. Все равно он коммунизму элемент чуждый». И ржал, аки конь полковой, при этом.

— И что?

— Зерна-то лишнего взял он с нас немало. Только сдается мне, не доехало оно до места.

— Торговал им на рынке, что ли? — хмыкнул я.

— А ты не насмешничай. Это уже с вас, ОГПУ, спросить надо, куда зерно девалось.

В общем, картинка с его слов получалась такая. Сперва налог зерном взяли с колхоза по всем правилам. Потом опять приехали, но уже другие, с мандатом от Головченко, кипой документов с печатями и подписями и с новыми запросами. Только по виду это даже не продотрядовцы были, к которым все давно привыкли, а просто бандиты с большой дороги. И вымели почти все, в результате чего село сейчас с голоду и мрет.

Я заставил его дать подробное описание той шайки. Внятного ничего припомнить он не мог. Люди как люди, только рожи наглые и глумливые, да ведут себя хуже японского оккупанта. Одного только описал достаточно ясно — весь кривой, кривозубый, криворукий, ноги колесом, такая вот ошибка эволюции.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Сказал, конечно, он далеко не все. Утаил, будет торговаться за свою жизнь. Но это ничего. Будем с ним работать.

Отпахали мы в Свободном ударным трудом сутки без сна и отдыха. Задокументировали, что могли. Автобус забили задержанными, так что там тесно стало. Зерно под опись сдали двум партийцам, на которых до принятия решения возложили управление колхозом. Их вытащили из соседнего села, куда они бежали в прошлом году — их едва не подстрелили, когда они в то время пытались открыть глаза районному начальству на творящиеся здесь беспорядки. Эту историю тогда спустил на тормозах все тот же Головченко.

— Все сделаем в лучшем виде, как в аптеке Гололобова, — пообещал партиец напоследок, с радостью разглядывая арестованных в лице председателя и его подельников-подпевал — практически все правление колхоза. — Ну что, лишены! Когда бесчинства свои творили, нагло нам лыбились в лицо со словами: «Когда власть делили, вас позвать забыли». А теперь жизнь вот какой кульбит сотворила.

Ну все, работа сделана на отлично. Оперативная информация отработана. И главное, думаю, спасли мы найденным хлебом хоть несколько жителей села, до того обреченных. Пора и в дорогу.

Однако после погрузки на борт отъезд затормозился. Двигатель зачихал, и шофер принялся возиться с ним. Починит скоро, я был в этом уверен. Двигатель все время барахлит, и шофер все время его чинит.

Пока суть да дело, ревизор Федя Симонян отвел меня в сторонку. Он выглядел озадаченным.

— Я бы на твоём месте присмотрел за председателем, — неожиданно объявил он. — Не дай бог что с ним случится.

— А кто ему грозит, кроме «тройки»? — не понял я.

— Да много кому может не понравиться, если он лишнего сболтнет.

— Уже сболтнул все, что мог.

— Может, и не все. Я бы поостерегся.

— Да ладно нагнетать, Федя. Это же не твоя, а моя работа — перестраховываться и бдить. А пока поводов не вижу.

— Нагнетать? Давай до города разговор отложим. А там в спокойной обстановке... Ты в области человек пришлый. Много чего не знаешь. И некоторые вещи не понимаешь.

Звучало это зловеще и многообещающе. Я хлопнул приятеля по плечу:

— Хорошо, Федя. Жду с нетерпением ошеломляющих откровений.

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

— А вот смеяться не надо. Чтобы над нами потом не смеялись, когда мы все на свете прошьляпим...

ГЛАВА 4

Переговорить накоротке с Федей нам удалось только через пару дней. Пока я отписался по выезду, пока он доложил своему начальству и созрел для серьезного разговора. Так что увиделись мы только в воскресенье.

Встретились на ступенях чистенького двухэтажного особняка Рабкринна, где ревизор пахал как проклятый, без праздников и выходных. Я пожал его интеллигентскую тонкую руку и предложил:

— Ну что, пройдемся по городу, подышим весной?

— Перед смертью не надышишься, — брякнул ревизор, а меня от этой невпопад брошенной фразы вдруг обдало каким-то потусторонним холодком.

На излете нэпманских времен мы посидели бы спокойно в трактире и откушали там расстегайчиков, что встало бы в треть зарплаты. Но трактиры и рестораны теперь как по волшебству превратились в рабочие столовые, где кормили только по карточкам. Поэтому оставалось нам мерить шагами город. Зато никто не подслушает наш разговор.

Мы прошли по краю компактного купеческого центра Нижнепольска, застроенного приземисто, хотя и местами весьма вычурно — все сплошь лабазы, добротные купеческие дома и уютные маленькие церкви, большинство из которых переоборудованы под склады и клубы. Вышли на улицу Маркса, где на переломе столетий взмыли ввысь трех-четырёхэтажные доходные дома. Уткнулись в площадь Парижской Коммуны, где недавно было возведено тяжеловесное и, по задумке, шикарное, а на деле — нелепое многоэтажное строение обкома партии с многочисленными колоннами, круглыми балконами и плоской крышей. Рядом построили другое, чуть поменьше, но очень похожее, прям как незаконнорожденный сын, — штаб военного округа. А рядом, в бывшей городской думе, теперь властвовало Полномочное представительство ОГПУ.

За площадью приютился кинотеатр «Красный пролетарий», где неизменная толпа желала приобщиться к искусству немого и звукового кино. Там шли новые фильмы: «Горячая кровь» — незатейливая история о создании коммун на Дальнем Востоке, а также советско-германская кинолента «Металл».

— Почему кино так тянет людей? — оглядываясь на очередь, недовольно произнес Симонян, поклонник академических театров и высокой поэзии.

— Наверное, люди хотят увидеть на экране кусок интригующей чужой жизни, — предположил я. — Забыть о своих невзгодах и серых буднях хоть на час. И чем больше у них проблем, тем длиннее очереди в кинотеатры.

— Эх, Большаков. Сколько у нас с тобой вдруг нарисовалось проблем, так по твоей логике мы должны сутками не вылезать из синематографа и неустанно пялиться в экран, — выдал ревизор и таинственно замолчал. Ну что, умел он нагнетать драматизм. Вот кому кино снимать.

Вскоре мы дошли до парка имени Ворошилова. Спасибо партии и правительству за семичасовой рабочий день и гарантированное воскресенье на отдых. А погоде отдельная благодарность за первые по-настоящему теплые ласковые дни. Народ высыпал из тесных квартир на свежий упоительный весенний воздух. И сейчас в парке прогуливались толпы — семьями или в одиночестве.

Вокруг кипела общественная жизнь. На скрипучей и прогибающейся сцене летнего театра девчата в народных одеяниях весело, с притопами-прихлопами, исполняли антибуржуазные и колхозные частушки. Прошествовала под стук барабана колонна улыбающихся задорных юношей и девушек, одетых в изумрудно-зеленую комсомольскую форму, перепоясанную ремнями, — это были студенты советско-партийной

школы. Они несли с собой транспарант «Слава социалистическому труду!».

Я в очередной раз отметил, что Голод затронул горожан не так сильно. Если в деревне это был Гибельный Голод, то в городе просто голодали и недоедали. Хотя местами он набрасывался на людей со всей жестокостью, особенно на большие семьи, где было мало кормильцев и продовольственного пайка не хватало на всех. И не дай бог потерять карточки. На колхозном рынке, который открыли в прошлом году, были продукты, но по ценам диким и простому трудяге недоступным. Проявилась во всей красе изнанка города. Люди меняли еду на вещи, процветала спекуляция, росли как на дрожжах кражи, в том числе продуктов. Милиция сбивалась с ног. Но в целом Нижнепольск жил, работал, дышал, отдыхал и в будущее смотрел без обреченности. Видал я это сейчас и в парке.

Мы пристроились на скамеечке в достаточно уединенном месте, откуда открывался вид на северную часть города, которую занимали порттовые склады и сооружения. Там грузились баржи, гудели буксиры. А с пассажирского речного порта уходили по реке белые пароходы.

Федя вытащил из бумажной пачки с надписью «Любительские» папиросу, щелкнул самодельной бензиновой зажигалкой. Жадно затянулся. Потом смял и отбросил папиросу прочь. Видно

было, что он нервничает и не знает, как начать разговор.

— Знаешь, Саша, только тебе могу доверять, — наконец приступил он к делу.

— А чем остальные не угодили?

— Да тут сам черт ногу сломит — где враг, а где друг! А мы с тобой люди проверенные. Бедой и гонениями отшлифованные.

Ну, про гонения он слегка преувеличил. Но вот беда с ним, если бы не мое участие, вполне могла случиться. Познакомились мы в Углеградске — туда меня послали после чекистских курсов. Я его сильно выручил, когда на него мои ушлые коллеги хотели повесить все мыслимые и немыслимые грехи. Не повесили. Хотя это и дорогого мне стоило. В результате я заработал полное доверие Федора. А его самого знал как болезненно честного человека. И болезненно неравнодушного.

— Саша, ты много где бывал. И как тебе на фоне других краев наша область? — неожиданно спросил он.

— Как? — встрепенулся я. — Это зона бедствия, Федя. Может, есть места и похуже, но я таких не видал.

Ревизор вздохнул. Эх, мы с ним не виделись чуть больше года. И за это время он сильно сдал, высох, опал с лица. И в глазах появился лихорадочный злой огонек.

— Зона бедствия, — кивнул он. — В которой убиваются все добрые чувства и желание жить.

— И как до такого дошло? — спросил я. — Что, один Головченко виноват?

— В корень смотришь, Саша. Я тут уже год — и все это наблюдаю внимательно. И во всем этом компоте варюсь по долгу службы. Конечно, в деятельности государственных и партийных органов халатности, перегибов и разгильдяйства, полной неподготовленности к переменам более чем достаточно. Но так везде по стране. У нас же... Мне кажется, ситуацию преднамеренно загоняли в эту самую зону катастрофы. И одному Головченко такое не под силу. Тут, дорогой мой чекист, сила другая нужна. Тут организация требуется. При том протянувшая везде свои ядовитые щупальца. Имеющая большие возможности. И имеющая целью довести тут все до окончательного краха.

— Даже так? — Особой склонности к фантазиям я за Федей не замечал, поэтому его слова толкали меня к тому, чтобы сильно призадуматься.

— Идет какая-то хитрая игра... Вот ты знаешь, что область передовая по зернозаготовкам за прошлый год? Вымели из закромов все. И браво отчитались. Забыв, впрочем, упомянуть про «продовольственные затруднения», которые приняли убийственные масштабы.

— Обычная практика безмозглых руководителей, живущих одним днем, — отметил я. — Вон

ТРЕТИЙ ВСАДНИК

в моей области благодаря позиции нашей службы и твердости секретаря обкома за показателями не гнались. Секретаря даже смещали ненадолго с должности, обещали под суд отдать. Но потом вернули. И сегодня с голоду практически никто не мрет. И план по севу выполняем. Роль личности в истории.

— Вот именно! Ну, о личностях, правящих здесь, я невысокого мнения. Однако эта игра идет за их спиной, Саша. Я это чувствую.

— Да что ты заладил? Какая игра?

— Я тут начал недавно подбивать дебет с кредитом. Запросы сделал, в документах покопался.

— И что?

— А то, что львиная часть сельхозпродукции испарилась. Нет ее ни здесь, ни на союзных складах. Но где-то она есть. И объемы очень большие... И кажется мне, отлеживается это богатство у нас в области. И возникают неуютные вопросы — где и зачем?

— Та-ак, — задумчиво протянул я, ощущая, как заныло тревожно в груди. — Докладывал кому?

— Э нет. Мне моя голова дорога... Ты представляешь, вытащить такое. Да областные власти меня первого в землю зароют. А ты же все-таки столичная комиссия. Не абы кто местный.

— А фактура есть? — заерзал я на скамейке. — Документы?

— Кой-чего есть. Добью еще немного в архивах. И преподнесу тебе. Когда все закрутится — я уже в стороне буду. Никому не нужный. Может, и поживу еще, — горько усмехнулся Федя.

— Долго ждать?

— Пару дней... И позаботься о председателе. Он еще нам пригодится.

— Не забивай голову. Я позабочусь...

Хотя и не очень верил я в коварство опутавшего всю область врага, но все же прозвонил в изолятор для подследственных № 1 областного управления исправительно-трудовых учреждений и настоял, чтобы при всей его переполненности все же нашли отдельную камеру для председателя колхоза «Путь Ильича». Таковую, где его ночью ненароком не удавят подушкой и не ткнут случайно заточкой в бок.

Потом доложил о своих удивительных открытиях Русакову. Тот воспринял мою речь скептически. И с несвойственной ему неожиданной ворчливостью произнес:

— Эх, молодость и задор. Все мерещатся тайные заговоры. Все спасаете человечество.

— Если область довели до такого состояния, значит, кто-то виновен.

— Есть в этом какой-то резон, — кивнул москвич. — Ладно, покопайся в этой мусорной куче, если еще славы и почестей захотелось, орденоносец. Но только текучки с тебя никто не снимает.